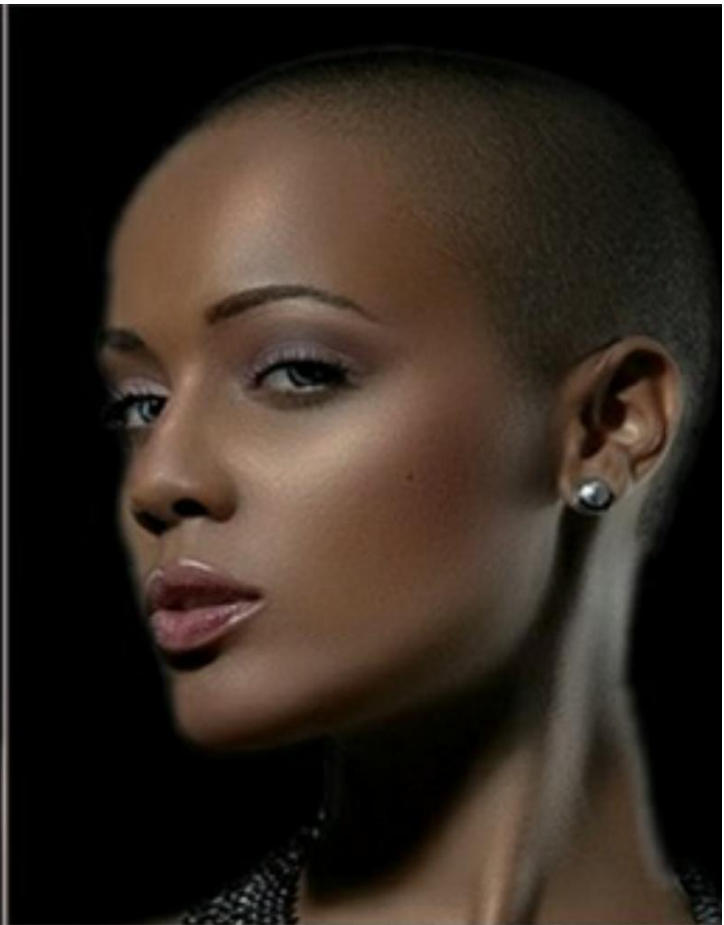
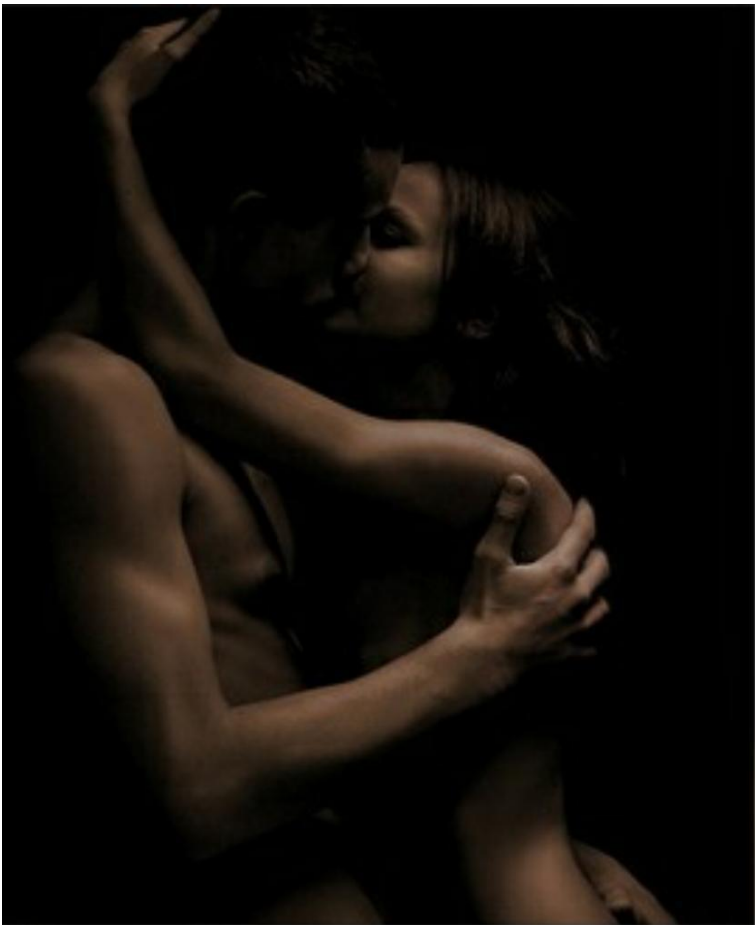

Взгляни на птиц небесных

**Галина
Чередий**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Просто о любви

Галина Череди́й

Взгляни на птиц небесных

«Автор»

2016

Чередий Г.

Взгляни на птиц небесных / Г. Чередий — «Автор»,
2016 — (Просто о любви)

Слишком подробно анализируя свои ошибки, совершенные в прошлом, или чрезмерно тщательно планируя свое будущее, мы попусту тратим время, отведенное нам, чтобы жить здесь и сейчас. Может, стоит, закрыв глаза, сделать то, что хочется? Прямо сейчас? Именно здесь? Вот с этим человеком? Кто знает, что будет завтра? И будет ли оно вообще... Для тех, кому понравился Мусса из «Гадкого Рыжика» – эта история о нем. О том, как случайная встреча, «сорвавшая двоим крышу», пусть и не сразу, но может перерасти в нечто сильное и глубокое и соединить одиноких людей. Или нет. Для обложки использованы иллюстрации с сайта pixabay Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

Мусса со стоном перевернулся и пошарил рукой рядом с собой. Ничего. Только холодная прохлада льняной простыни под его пальцами. Приподняв голову, он прислушался. В квартире тишина. Нет ни звука льющейся воды в душе, ни каких-либо признаков движения на кухне. Ни шороха, кроме оглушительного тиканья настенных винтажных часов в гостиной. Вот как только можно было сделать этот дорогуший хронометр таким шумным, чтобы от каждого гребаного тик-так подпрыгивал мозг? Нужно еще раз выразить, мать его, безмерную благодарность Марату за такой жутко ценный подарок.

Мусса еще раз напряг свою больную голову, прислушиваясь к тишине в квартире. Ничего, что бы безошибочно указывало на присутствие женщины, чей запах еще хранили его простыни. Он опустил голову и со стоном наслаждения втянул этот потрясающий, экзотичный аромат и тут же почувствовал отклик своего тела. Черт, он хотел ее снова и прямо сейчас.

Поднявшись, как был, голым и в полной боевой готовности, он пошел по квартире, теша себя слабенькой надеждой, что его вчерашняя гостя, может, все же где-то притаилась в огромных недрах его элитной квартиры. И на кой ему такие здоровые хоромы, если нужно устраивать целый хренов пеший поход, чтобы найти с утра свою ночную волшебницу? А после его вчерашних подвигов ему это было ой как не просто.

– Элоди! – хрипло позвал Мусса и усмехнулся звучанию собственного голоса. Да уж, Джигурда отдыхает!

Никто не отозвался и не появился. Мусса обреченно вздохнул. Это прямо какой-то паршивой традицией становится! Стоит привести домой женщину, которая нравится ему, и провести с ней просто сказочную ночь – и утром он обнаруживает себя покинутым и одиноким в холодной постели. Это что, его расплата за многие годы, когда он сам так же поступал с женщинами? Долбаная карма, которая бьет его по затылку его же оружием?

Мусса свернул в ванную и, включив кран, тупо уставился на исчезающую в сливе завихряющуюся воду так, словно там были ответы. Или должна была, как в старой детской сказке, высунуться страхолюдная волосатая рука с корявым ногтем и погрозить ему: «Должок!» Ага, он и правда, наверное, много задолжал всем женщинам, с которыми когда-либо спал. Ну, в смысле, многие из них, наверное, на что-то надеялись, а ему был нужен только секс без обязательств и осложнений в виде привязанностей. И вот теперь расплачивается. Сначала Милена его использовала и бросила без сожаления, а теперь еще и Элоди ушла без оглядки. Один раз его мужское самолюбие могло пережить, хотя и переживало до сих пор, но, мать твою, дважды! Это уже какой-то гребаный перебор!

Мусса посмотрелся в зеркало. Что не так-то вдруг стало с ним? Почему женщины, на которых он западает, бегут от него, как от огня, после одной единственной ночи? Он что, не выдерживает какой-то сраный конкурс, о котором даже не в курсе? Почему же другие продолжают вешаться на него повсюду? И их палкой не выгнать из его постели? Неужто именно тех женщин, которые его цепляли, он сам был не в силах удовлетворить? Мусса опустил глаза на свой еще не совсем успокоившийся член.

– Мы с тобой сегодня ночью славно потрудились, вроде, – сказал он ему. – Но неужели недостаточно?

Воспоминания о том, как они «трудились» над гибким, гладким, как мрамор, телом Элоди тут же опять заставили его «дружка» воспрять духом и сжали его яйца болезненно-сладкой судорогой.

– Вот ведь хрень! – прошипел Мусса и шагнул под душ.

Или дело совсем не в сексе? Да, женщины часто любят говорить, что секс для них – не самое главное в отношениях. Нужна еще духовная близость или даже любовь. Но Мусса был

уверен, что все это полная лабуда. Так говорят женщины, не имеющие любовников, которые каждую ночь заставляли бы их глаза закатываться от наслаждения. Трахали бы их так, чтобы все дурацкие мысли вылетали из головы вместе с криками в оргазме. И тогда бы эти самые женщины все время бы ходили и мечтали о члене своего мужчины, а не о каких-то там романтических соплях.

Когда он добрался до кухни, то все же нашел записку, прижатую магнитом к холодильнику.

«Ты был просто потрясающим. Мне было жаль тебя будить, ты ведь так устал. Так что спасибо за все и прощай! Элоди».

– И ни хрена я не устал! – рявкнул Мусса раздраженно. – Нужно было разбудить! Я бы показал тебе, как устал!

Мусса еще раз взглянул на записку и перевернул в тщетной надежде обнаружить номер телефона.

– Ну да, сладкая, у тебя бы руки отвалились нацарапать мне свой номерок! Если я был таким потрясающим, то почему бы нам не повторить? – спросил он записку, будто она могла и правда ответить.

Мусса сварил себе кофе и, усевшись за стол, вернулся мыслями во вчерашние события.

Он увиделся с Миленой этим вечером после долгого перерыва. Она уже перестала кормить грудью и вернула себе прежнюю прекрасную форму, заставляющую заныть его зубы и тягуче болеть его пах при взгляде на нее. До этого несколько месяцев они общались только по телефону, и не сказать, что каждый раз слышать ее хрипловатый чувственный голос Муссе было намного легче. Мозгами-то он давно смирился, что она принадлежит другому, но его тело все еще продолжало ее желать. До его неугомонного члена, видимо, не дошло уведомление, что Милена – это запретная зона. Мусса не вел жизнь монаха, но, к сожалению, пока никто не сумел затмить той единственной безумной ночи, что у них была. Милена свела его с ума своей безбашенностью и неумолимой требовательностью. Ненасытностью, соперничающей с его собственной. Никто – ни до, ни после не смог быть таким. Ей не было дела до того, какое впечатление она на него произведет. Она просто наслаждалась именно этим конкретным моментом времени и возводила этим его собственное наслаждение в какую-то высшую степень. И повторений не было. До сегодняшней ночи.

Конечно, Сандро не дал им и минуты пообщаться наедине и блюл свое рыжее сокровище, как жадный Кощей, ежесекундными прикосновениями давая ему, Муссе, понять, чья тут собственность. И хотя с прежней бешеной и сметающей все на своем пути ревностью вроде было покончено, но Мусса был уверен, что это только внешняя оболочка. Мужчина всегда узнает в глазах другого мужчины этот, пусть и глубоко спрятанный, огонек дикого собственника. Первобытную движущую силу, что, может быть, и укрощена, и скрыта глубоко, но стоит лишь дать малейший повод – и она обернется вселенской катастрофой.

После встречи в кафе Мусса поехал напрямик в «Логово». Сегодня там нужно было проверить кое-какие документы, да и просто хотелось прямо сейчас расслабиться и повидаться с Маратом. Мусса последнее время был плотно занят приготовлениями перед открытием нового клуба, и все «Логово» было на плечах младшего брата.

Войдя, он сразу приметил широкую спину Марата у стойки бара. Брат пристально смотрел в сторону танцпола. Видимо, сегодня какой-то цыпочке повезет заняться горячим сексом в кабинете наверху.

Мусса хлопнул по спине брата, и тот, вздрогнув, обернулся и просиял.

– Мусса! Ты как, брат? Тебя совсем не видно!

– Ты же знаешь, сколько всего нужно. Совсем задолбался уже, – ответил Мусса.

– Ты на минуту?

– Нет. Сегодня решил устроить себе вечер отдыха. Веришь ли, нормально не трахался уже больше месяца! Все на бегу! – ухмыльнулся Мусса.

Марат засмеялся и вернулся взглядом к танцполу.

– Поверь, я тебе сочувствую! – сказал он и, поймав кого-то взглядом, выдохнул. – Охренеть! Что б я сдох!

Мусса проследил за направлением взгляда брата и сам подзавис. Танцпол был битком забит телами танцующих людей, но на кого именно смотрел брат, Мусса понял сразу же. Смуглокожая молодая женщина, явно не малолетка, была похожа на африканскую статуэтку из магазина сувенирных товаров. Мусса даже не представлял, что такое великолепие может существовать вживую. Гибкое, потрясающее тело, длинные ноги и тонкие, словно точеные, руки. Колонна шеи, длина и изящество которой были открыты благодаря собранным на макушке волосам. Узкое лицо с высокими скулами, сочетавшее в себе, казалось, все лучшее, что могло бы взять человеческое существо от двух исходных рас. Это лицо будто было вылеплено ласкающей рукой безумно влюбленного скульптора, так же, как вся эта потрясающая женщина, беззаботно двигающаяся под музыку. И каждое ее движение словно шептало о волшебной чувственности, спрятанной в этом теле, манящей и обещающей мужчине так много.

– Эй, – толкнул зависшего Муссу в плечо Марат, – отвали, братец, я ее первый увидел.

– Да ладно! Тут правил нет, братец. Так что лучше отойди с дороги, – фантазия Муссы уже услужливо раздела девушку, и джинсы моментально стали тесноваты.

– А я говорю, отвали! У меня еще никогда не было мулатки! – возмутился Марат.

– Сам отвали. У меня тоже! – огрызнулся Мусса, не сводя глаз с девушки, которая, смеясь, пошла с танцпола с двумя подругами к их столику.

– Ну, так вызови себе шлюху. Сейчас любой каприз за ваши деньги. А эта моя по праву первенства, – не уступал Марат.

– Я не плачу женщинам за секс. И не сплю с проститутками. И я старший брат, поэтому мне она и достанется, – спокойно заявил Мусса.

– Ну, вы еще подеритесь, Крамаевы! – усмехнулась стоящая за стойкой барменша Люба. – Идите вдвоем, а мы тут ставки организуем.

– На то, кто из нас ее снимет? – нагло усмехнулся Марат.

– На того, кого она первым пошлет! – засмеялась Люба и тряхнула стриженной головой. – Ну у вас и самомнение. Вы что, думаете, на свете не существует женщины, способной отказать таким неотразимым вам?

– Может, и есть, но я ее еще не встретил. И надеюсь, если бог меня любит, и не встречу! – заявил Мусса. – Ну-ка, плесни мне коньячку, Любаша.

– Для храбрости?

– Очень надо. Просто расслабиться.

Люба загадочно усмехнулась и подала Муссе бокал с коньяком.

– Вот встрянет один из вас, чует мое сердце. Встрянет намертво, причем по самые помидоры.

Братя, беззаботно рассмеявшись такому глупому предположению Любы, двинулись к столу мулаточки и ее подруг, как два волка на охоте.

– Добрый вечер, дамы, – изобразил сногшибательную улыбку Мусса. – Вы не позволите двум вконец обнаглевшим и сраженным наповал вашей красотой путникам упасть рядом с вами и насладиться вашим обществом?

Подруги мулаточки были смутно знакомы Муссе. Кажется, они бывали в «Логове» и раньше.

– А мы вас знаем! – заявила одна из них, очень привлекательная брюнетка с роскошной копной блестящих волос и яркими зелеными глазами. – Вы владелец этого клуба. Мусса Крамаев, кажется.

– Вам не кажется. Это я и есть. Тяжело быть широко известным в узких кругах. Вот захочешь подкатить к девушке инкогнито, и ничего не выходит. Но раз уж вы меня знаете, и можно считать нас почти знакомыми, то позвольте представить вам моего брата Марата. Он управляет «Логовом». И раз уж все так пошло, то, может, вы все же позволите присесть и назовете свои имена?

Подружки подвинулись, радостно улыбаясь, а мулаточка смотрела на них немного настороженно. Мусса технично и незаметно оттолкнул брата и оказался сидящим рядом с ней, в то время как Марату пришлось сесть рядом с подружками.

– Итак, прекрасные дамы, можем мы услышать ваши имена, или это государственная тайна, и вам придется потом нас убить? – спросил Марат.

– Убить? Интересная мысль! Главное выбрать правильный способ! Я София, – сообщила брюнетка, явно флиртуя с Маратом, – а это Женя и Элоди, – она по очереди представила своих подруг.

– Элоди-и-и! – протянул Мусса, словно пробуя это имя на вкус. – Я Мусса, Элоди.

Мусса подсел поближе, и от него не ускользнуло, как напряглась спина девушки. Мусса встретился с ней взглядом и оцепенел. Огромные глаза, насыщенно синего цвета встретились с его почти черными. Почему-то он думал, что они будут темно-карими, очень темными, как самый горький шоколад. Но эта пронзительная дикая синева поразила его, превращая на минуту в соляной столп. Безумной длины и густоты ресницы чуть опустились, прерывая контакт и его ступор и позволяя его взгляду скользнуть дальше по ее лицу. Идеальная кожа, напоминающая полированный камень цвета кофе с молоком. Тонкий нос с нервными, чувственными ноздрями. Губы. При взгляде на этот рот, член Муссы дернулся так, что он вынужден был ерзать, стараясь хоть немного ослабить боль в паху. Че-е-ерт! На ум, как назло, не приходило ни одной хоть отдаленно пристойной мысли, что помогла бы унять немного его зуд в штанах. А когда ее губы чуть дернулись в едва заметной улыбке на какую-то чушь, которую он нес, пытаясь изобразить непринужденную беседу, то Муссе захотелось взвыть в голос и дотронуться до этих пухлых губ хотя бы пальцами. Если бы прямо сейчас Элоди заглянула в его голову и увидела те картинки, что без конца проигрывало его скотское воображение, она бы наверняка вlepила ему такую пощечину, чтобы у него в голове до утра звенело, и ушла бы моментально.

«А может и нет! – шептало подлое подсознание. – Может, взяла бы тебя за руку, отвела в уединенное местечко и, опустившись на колени, исполнила хоть одну из этих фантазий».

Да закатай губу, Мусса! Такое только в кино для взрослых бывает. Но помечтать-то мужчине можно?

– Элоди, а вы откуда к нам приехали? – не нашел ничего лучшего сказать он.

– Ниоткуда, – снова чуть улыбнулась. – Я родилась и выросла здесь. Сделана в России, так сказать.

– Да-а-а? – Мусса представил, каким, наверное, идиотом выглядит со стороны.

Как ни странно, Марат, похоже, решил ему уступить и увлекся общением с подружками Элоди. А может, просто затаился и ждет момента позлорадствовать, когда его, мычащего нечто невнятное, Элоди пошлет проторенным эротическим маршрутом, и у него будет возможность попробовать силы. Хрена с два тебе, братец!

Вести особо продуктивную беседу в таком шуме, конечно, было невозможно, но зато был повод приблизиться.

Элоди допила свой коктейль и, кажется, немного расслабилась в его присутствии. У Муссы создалось впечатление, что она ведет внутренний спор с собой, словно на что-то решаясь. Да и обе подруги то и дело одаривали Элоди какими-то настойчивыми, непонятными Муссе взглядами.

– Дамы, чем мы можем вас угостить? – спросил Мусса.

– На ваш вкус, но не так, чтобы убивало, – сказала София, и Элоди кивнула.

Мусса с Маратом пошли к бару.

– Что, решил, что у тебя нет шансов, младший? – поддел Мусса.

– Судя по тому, как ты пары слов рядом с ней связать не можешь, у тебя тоже их немного. Что, вся кровь ниже пояса ушла? – съязвил Марат. – Думаю, у меня с этой горяченькой Софией гораздо больше шансов, чем у тебя с мулаткой-шоколадкой.

– Да ладно, скажи просто, что понял, что проигрываешь на моем фоне, и решил переключиться на что-нибудь более доступное.

– Может и так. Только я точно знаю, что сегодня получу то, что хочу, а вот тебя, братец, ждет гигантский облом и синие яйца.

– Не переживай за мои яйца, братец! Я всегда найду решение проблемы.

Они вернулись и застали девушек о чем-то оживленно спорящими. Увидев мужчин, они успокоились, и Элоди почти залпом выпила свой коктейль. Ее подруги одарили Элоди угрожающими взглядами.

– Мусса, ты не пригласишь Элоди на танец? – прокричала ему через стол София. – Она у нас сегодня именинница, и только поэтому нам удалось ее из дома выцарапать. Надеюсь, ты сможешь сделать этот редкий выход в люди незабываемым?

И София послала Муссе взгляд, говорящий: «Давай, действуй, парень!» Как будто он собирался останавливаться!

– София! – закатила глаза Элоди.

– Да я только об этом и мечтаю! – сказал Мусса и протянул руку.

Глава 2

Едва оказавшись на танцполе, он мягким движением обнял женщину, ненавязчиво прижимаясь максимально близко. Так, чтобы тело не явственно кричало о его потребности, но непрозрачно намекало. Но держать себя в руках было очень трудно. Оказавшись так близко, окунувшись в ее экзотический запах, Мусса «поплыл». В голове крутилось столько заготовленных эффектных и остроумных фраз, но от ее поразительного аромата и горячей близости все они смешались в бессмысленную кашу, устраивая настоящий хаос, и все, что он мог – это молча вдыхать и напоминать себе, почему нельзя прижать ее к ближайшей стене прямо сейчас. Одна рука сама собой стала выписывать узоры на ее спине, поднимаясь к этой восхитительной шее. А другая самым наглым образом соскользнула на ее ягодицу. Мусса замер, ожидая сейчас чего угодно, от воплей до удара по яйцам. Но синие глаза встретились с его, и Элоди слегка закусила нижнюю губу.

Ну все, он, конечно, образец воздержанности, но пошло оно все на хрен! Он хотел, чтобы это его зубы были на этой пухлой губе. Хотел кусать этот рот и облизывать. Вторгаться, сминая и лаская.

Мусса позволил своей руке сжаться на ее охренительной заднице, а второй руке – обхватить затылок Элоди. Она не отвела глаза, и ее губы чуть приоткрылись, ожидая его следующего движения. Ресницы чуть опустились, делая ее взгляд таким горячим, что Муссе показалось, что он весь воспламенился, и по его телу пробежала дрожь. Руки притиснули гибкое тело к нему, а рот накрыл эти порочные губы. Мусса все еще старался сдерживать себя и поэтому целовал Элоди осторожно, хотя из груди уже рвался животный рык и безумно хотелось просто смять эти сладкие губы жадно и безжалостно. Конечно, она не могла не чувствовать, как его член упирается ей в живот. Он был жестким, как стальной прут, и причинял Муссе боль при каждом движении. А это трение о ее тело вообще приводило его на грань безумия. Оторвавшись от губ Элоди титаническим усилием, Мусса прошептал ей, скользя губами по уху:

– Давай, сладкая, пошли меня прямо сейчас. Иначе ты сегодня от меня не отделаешься и окажешься на спине подо мной так быстро, как только мы сможем найти подходящее место, – выдохнул он в ее ушко и скользнул губами по гладкой коже этой длинной шеи, как и хотел с самого начала.

Элоди вздрогнула и судорожно вздохнула. Ее руки вдруг сильнее обвили вокруг его шеи, и Мусса мог поклясться, что почувствовал сквозь ткань, как напряглись ее соски, прижимающиеся к его груди.

– А если я люблю быть сверху? – Голос Элоди стал ниже и дразнил его бархатными сексуальными нотками.

Она, чуть отстранившись, посмотрела ему в глаза, и ее взгляд был уже совсем другим. Он знал этот огонь женского чувственного голода. И тот огонь, что горел в глазах Элоди, был таким сильным, будто она не один год нуждалась в близости. Это воспламеняло его самого еще больше, развязывая язык быстрее любого алкоголя и делая руки более дерзкими. Нет, конечно, такая женщина, как Элоди, не могла быть настолько обделенной лаской, чтобы испытывать подобный сексуальный голод. Где она жила? В женском монастыре? Или в долбаной пустыне? Не могла она жить, не привлекая внимание мужчин ежеминутно, на каждом шагу. Для этого ее должны были окружать одни слепые импотенты.

– Сладкая, сверху, снизу, сзади, боком – все, что захочешь. Я для тебя хоть на голову встану. – Мусса не смог удержаться и провел языком по сладкой коже ее шеи еще раз, и у него едва глаза не закатились от ее бархатисто-нежного вкуса. Элоди опять задрожала в его руках, и он чутко уловил это своими пальцами и всем телом.

– Только не раздумывай слишком долго, а то ночь такая короткая, а нам так много успеть нужно. А еще и ко мне домой добираться.

Мусса облизнул свои губы, смакуя вкус ее кожи. Он облизнет ее всю, с ног до головы. Если она так отзывчива на простейшие прикосновения, то что же будет, когда он возьмется за нее по-настоящему? Неужели ему наконец повезло, и он нашел женщину, способную чувствовать так же остро, как он сам?

– Ну, тогда возьми мне еще коктейль и подожди меня у бара. Пойду, попрощаюсь с девчонками, – решительно сказала Элоди.

Черт, а все-таки он самый везучий сукин сын в этом клубе, а может, и в этом городе сегодня. Мусса не смог сдержать самодовольной улыбки, что так и растягивала его рот. Хотя кто бы сомневался?

Элоди освободилась из его сжатых вокруг ее тела рук и пошла к подругам. Мусса подошел к бару, стараясь не выпускать ее из виду. Голодные взгляды, которыми ее провожали другие мужчины, вызывали у него желание зарычать и прилепиться всем телом, показывая всем, что сегодня эта женщина его. Накрыть руками ее груди и дерзкие ягодички, которые жрали глазами другие охотники. Не-е-ет, обломайтесь! Сегодня эта его добыча.

– Ну что, опять победа братьев Крамаевых? – усмехнулась Люба с другой стороны барной стойки.

– А ты сомневалась, детка? – самодовольно усмехнулся Мусса.

– Ну, когда-то же должны здесь появиться женщины, что сумеют отказать вам, – покачала головой девушка.

– Я бы на твоём месте сильно на это не надеялся, – Мусса продолжал следить за Элоди взглядом хищника из засады.

– И все же мне кажется, что я дождусь того дня, когда какая-нибудь женщина возьмет вас, братишки, за яйца так крепко, что вы и помышлять не будете посмотреть в другую сторону.

– Что, одна сразу обоих? Нет, не думаю, что у какой-нибудь женщины хватит здоровья удовлетворить либидо даже одного из нас в одиночку, не то что обоих, – похабно ухмыльнулся Мусса.

– Не прикидывайся, что не понял меня, Мусса! На каждого из вас найдется женщина, что поставит на колени.

– Пончик, ну что ты так переживаешь? Я вот с удовольствием встаю на колени, особенно когда женщина передо мной тоже принимает чудную коленно-локтевую позицию. Хотя вариант с одной ненасытной цыпочкой на двоих я бы не отказался разок попробовать. Жаль, что Марат у нас такой застенчивый.

– Это твой-то братец застенчивый? Да в клубе нет, наверное, ни одной танцовщицы, которая не знала бы, как он выглядит без штанов, – засмеялась Люба.

– Он ведь никого не принуждает. Они сами знают, на что идут.

– Ну да, так же, как и с тобой. Просто каждая из этих дурочек надеется стать кем-то особенным. Они не знают, что для вас все одинаковы.

– Не все, – Мусса наблюдал за приближающейся Элоди и чувствовал, как с каждым ее шагом ему навстречу учащается его сердцебиение и сбивается дыхание.

Люба внимательно посмотрела на Муссу и ухмыльнулась.

– И все же я останусь при своем мнении о том, какое будущее вас ожидает, братишки, – негромко сказала девушка, и Мусса рассеянно кивнул, явно уже совершенно не слыша, что она говорит.

Элоди вернулась очень быстро и взяла коктейль, который он заказал для нее. Мусса обнял ее сзади и не смог отказать себе в удовольствии – опустил свой рот на нежное местечко в основании ключицы. Он явственно чувствовал, как под его губами начинает ускоряться ее пульс. Элоди откинулась на его грудь и быстро пила свой напиток. Оставив опустевший бокал, она

закинула назад руки, обхватывая его шею и прижимая его ласкающий рот еще ближе. При этом ее собственные губы скользнули по его уху, заставляя задрожать и напрячься все его и так уже жаждущее ее тело. Медленно и чувственно она облизнула его ухо и прикусила мочку, заставляя зарычать и вцепиться в ее бедра рукам, прижимая ее охрененную задницу к изнаивающему члену.

– Не хочу никаких разговоров и игр. Только защищенный секс. Всю ночь. Столько, сколько сможешь, – прошептала она. – Если готов – поехали.

Готов ли он? Она что, издевается? Еще чуть-чуть готовности, и он кончит прямо в штаны. Впрочем, если она еще хоть минуту потрется об него своей задницей, то он кончит, как девственник-малолетка, в любом случае.

Мусса отстранил Элоди от себя и, поправив свой многострадальный член, взял у нее из рук сумочку и, крепко переплетя их пальцы, повел к черному выходу.

Прихватив кожанку, он вывел ее к своему байку. Молча надел на нее шлем и свою куртку, в которой она утонула, завел мотоцикл.

– Давай, садись ко мне поплотнее. Хочу уже прямо сейчас почувствовать себя между твоих бедер.

Элоди сделала так, как он сказал, тесно прижавшись к его спине, и опустила горячие ладони прямо на его твердую плоть. Мусса мучительно застонал и поднял ее руки себе на талию.

– Сладкая, если опустишь их туда еще раз, то мы остановимся и сделаем это там, где придется. Я не самый сдержанный парень, а с тобой так вообще не могу вспомнить, что такое контроль. Поэтому, если не хочешь эротическое шоу прямо на свежем воздухе и при случайных свидетелях, держи свои ручки именно там.

– Хорошо, – сказала Элоди. – Но лучше было бы, чтобы твоя квартира оказалась где-то очень близко.

Мусса испытал острое желание стащить наглую дразнилку с байка и прижать к стене прямо тут, у черного входа в собственный клуб. Приподнять и вынудить обвить его этими гладкими бедрами и войти так глубоко, как только она сможет принять. И заставить ее стонать и хныкать под его резкими ударами.

Мусса сжал зубы и призвал божественную помощь для того, чтобы все же добраться до дома. Их первый раз будет просто незабываемым. И никто не должен им помешать.

В лифте его дома Мусса прижал ее лицом к зеркальной стене и, выдернув заколку, позволил упасть тяжелой копне волос на спину. Потянув за них, он заставил Элоди до предела откинуть голову и поцеловал ее незащищенное открытое горло.

– Ты понимаешь, на что подписалась, сладкая? – прохрипел он. – Надеюсь, ты готова к тому, что завтра тебе больно будет ходить!

– Угрозы, одни угрозы, – выдохнула Элоди.

Мусса зарычал и, стиснув ее волосы, властно развернул к себе ее лицо и подставил раскрывшийся во вскрике рот под свой, жадный и жестко поглощающий.

– Я никогда не угрожаю, сладкая! – И Мусса прикусил эти самые чувственные губы, какие ему только случилось целовать.

Элоди дернулась и застонала в его рот, отвечая ему с не меньшей жадностью и напором.

Оказавшись в квартире, они продолжили яростно целоваться. Это было меньше всего похоже на ласку или прелюдию. Скорее на поединок двух сжигающих страстей, желающих одержать победу любой ценой, не стесняясь в средствах.

– Все! – рявкнул Мусса отстраняясь. – Снимай эту хренову одежду, или я ее сорву, и ты уйдешь отсюда голой.

Отступив от него на шаг, Элоди неожиданно улыбнулась ему медленной и почти ленивой улыбкой женщины, точно знающей, что она делает прямо сейчас с этим мужчиной. Ее уже

слегка припухшие губы растянулись в порочной и сладостной улыбке, и Мусса опять подумал, что это самый чувственный женский рот, что он видел. Один взгляд на него заводил его больше, чем целая длительная прелюдия с другими.

– Быстрее! – прорычал Мусса, понимая, что он уже реально достиг состояния возбужденного быка и готов просто перететь, подминать и врываться, не думая о последствиях.

Но Элоди медленно снимала свою одежду, не отрываясь следя за тем, как он срывает свою резкими, нетерпеливыми движениями. На ней еще оставались крошечные кружевные трусики, а он уже стоял перед ней совершенно обнаженным, дрожа от нетерпения. Элоди замерла, скользя по его телу взглядом, который ощущался его раскаленной от возбуждения кожей как полноценное физическое прикосновение. Глаза молодой женщины пробежались лаской по его лицу и шее. Царапнули горячим взглядом по мышцам на мощной груди, зацепляясь за его многочисленные тату, и соскользнули вниз по его торсу, прямо к его подрагивающему члену, уже жестко прижатому к животу. Ее глаза расширились, и на лице отразилось замешательство и неуверенность. В этот момент Муссе вдруг стало больно от мысли, что она может прямо сейчас решить остановиться.

– Да, сладкая, я большой парень. Но ты применишь меня всего. Я знаю, ты справишься. – Мусса сократил между ними расстояние, как хищник, совершающий последний решающий бросок.

Он притиснул Элоди к своей груди так сильно, что она выдохнула с жалобным стоном. Подняв к нему лицо, она еще пару секунд смотрела на него, словно что-то решая и борясь с сомнением и трепетом. Но Мусса не дал ей возможности и времени на сомнения и смял ее губы своим требующим полного доступа ртом, буквально взламывая и сметая ту защиту, что она прямо сейчас попыталась между ними выставить. Он целовал ее именно так, как хотел с самого начала – подчиняя, присваивая себе без остатка, используя язык, губы и зубы как настоящее оружие нападения. И наблюдал, как быстро в ее глазах неуверенность смывается волной возвращающегося прилива того самого вожделения, равного его собственному неистовому голоду. И этот прилив захватил его самого и закрутил с такой силой, что остатки контроля и цивилизованности слетели с него в секунды, и следующее, что Мусса осознал – это как подминает податливое тело под себя прямо на полу, где они и стояли. Его кишки скрутил такой дикий в своем безумии голод, что лишняя секунда промедления, казалось, выпивала из него жизнь.

Мусса вклинил свое тело, распахивая бедра Элоди для себя, и она поддалась со стоном в этом вечном примитивном приглашении и согласии с властью мужчины.

– Защита, – еле слышно прошептала она, и Мусса чуть не взорвался от яростного нетерпения.

Нашупав в джинсах презерватив, он поймал в собственной голове след мысли, что ни одной женщине раньше не приходилось напоминать ему о подобном. Никогда, даже в ту безумную ночь с Миленой, он ни разу не забыл. А сейчас он просто даже и не вспомнил о существовании презервативов. Потому что неожиданно испытал жгучее желание ощутить именно эту женщину без всякой преграды.

Толкнувшись внутрь, Мусса не смог войти, а Элоди вскрикнула и выгнулась, стараясь открыться ему больше. Мусса ощутил, какой тугой и неподатливой была ее плоть, и это заставило его просто озвереть в неистовом желании вторгнуться на эту территорию и ощутить эту жаркую тесноту своим членом, впитать всем существом.

– Давай,пусти меня, сладкая! – прорычал он, задыхаясь и толкаясь внутрь тела Элоди с неистовым упорством. – Прими меня всего!

Он опустил голову к ее роскошной груди и втянул твердый коричневый сосок в рот, жестко посасывая и слегка царапая зубами. Элоди всю затрясло, она выгнулась под ним, и ее тело мгновенно подстроилось под него, позволяя погрузиться полностью. Эта неожиданная и

резкая капитуляция заставила закричать их обоих. Мусса замер, сдерживая себя из последних сил, желая дать ей приспособиться к нему, игнорируя ревущий в крови призыв к немедленному движению. Но Элоди обвила его своими длинными, гладкими ногами и вцепилась руками в его ягодичы, словно пришпоривая его, понукая двигаться без малейших остановок. Ее бедра оторвались от пола и прижались к нему еще плотнее, делая их контакт просто невыносимо обжигающим.

– Сладка-а-а-я-а-а! – простонал Мусса, отступая и опять толкаясь в ее тело.

Голод рос в нем, уже сжигая гудящим от напряжения пламенем его внутренности. Поясница разрывалась от боли, требующей жестких, безостановочных движений. Его тело безжалостно вымогало срочных действий, а воспаленный мозг грозился перегореть от немыслимого напряжения.

– Держись, Элоди! – прохрипел Мусса, отпуская последние тормоза и обхватывая ее ягодичы, открывая для себя еще больше.

Его бедра сорвались с цепи и заработали, как взбесившийся механизм, жестко посылая его плоть раз за разом в раскаленную глубину тела женщины под ним. Элоди кричала и билась, встречая его ярость с подобным же неистовством и понуждая его двигаться еще жестче, еще быстрее. Ее стоны и мольбы слились для него в единый мотив, срывающий с него жалкий налет наносной цивилизованности и открывающий всему миру и этой конкретной женщине истинную сущность дикого, воделеющего самца, получившего наконец то, чего ему хотелось больше, чем жить. Это был смерч чистого неприкрытого безумия, и в нем они были совершенно равны, отдаваясь ему без остатка.

Когда раскаленный поток полился по позвоночнику Муссы вниз, он схватил Элоди за волосы и вцепился взглядом в ее лицо и закрытые в наслаждении глаза, чувствуя рывки ее внутренних мышц, кричащие о приближающейся кульминации. Тело под ним стало жестким, сводимое судорогой накатывающего удовольствия, а голос Элоди еще более низким и хриплым, выдавая, насколько оно близко. И каждый этот признак и все они вместе возводили его собственное возбуждение и наслаждение на какой-то новый уровень, подталкивая к нереальному взрыву, но усиливая многократно желание впитать сначала ее кайф без остатка.

– Открой глаза, сладкая, – приказал Мусса. – Смотри на меня, когда будешь кончать! Покажи, что я делаю с тобой!

Элоди словно ждала этих его слов, закричала пронзительно и отчаянно, вцепляясь в его тело так, как будто она держалась до последнего на краю и вдруг позволила себе сорваться в бездну. Мусса физически ощутил, как по нему прокатился краткий миг ее отчаяния, а потом все смело силой нестерпимого, убийственного наслаждения. Ее тело билось под ним в сладостной агонии, и как он ни пытался удержать себя на краю, желая впитать все, сорвался сам, с ревом врезаясь в нее последними сокрушительными ударами. Муссе казалось, что он излился диким потоком, словно горная река в половодье. Их общий оргазм все длился, не желая утихать, и по сплетенным, мокрым телам раз за разом прокатывались волны судорожной дрожи, рождаемые или жестким сжатием внутренних мышц Элоди или резкими рывками члена Муссы глубоко внутри нее. Каждый раз эта волна, родившись в одном теле, заражала другое, срывая стоны с губ обоих и никак не желая затихнуть окончательно.

Глава 3

Дальнейшая ночь слилась в воспоминаниях Муссы в сплошной поток картин, запахов и звуков. Ощущение гладкой, как камень, и при этом мягкой, как бархат, кожи Элоди под его пальцами и ртом. Ее ни на кого не похожий запах, заполнявший не только его легкие, но и казалось, все окружающее пространство на километры вокруг. Звуки ее низких протяжных стонов и криков, когда он раз за разом подводил ее к грани, за которой она была неистовой и яростной. Влажные, такие порочные касания раскаленных, мокрых от пота и изнемогающих от неутолимой чувственной жажды тел. Скольжение ее рта и рук по его телу без стыда и ограничений, разжигавшие в нем новое желание даже в те моменты, когда он казался себе выжатым досуха.

Мусса сидел на кухне над чашкой остывшего кофе и поймал себя на том, что его тело опять сведено тяжелым, мучительным желанием, как после очень долгого воздержания, и его оглушительное дыхание звучит в собственных ушах в тишине квартиры, заглушая гул крови, пульсирующей в голове и... не только в голове.

– Это что за хрень такая-то? – спросил Мусса у собственных дрожащих рук, в которые уперся взглядом. – С этим надо что-то делать.

Он пошел по квартире в поисках своего телефона. Набрав Марата, долго слушал мелодию. Только с третьего раза брат, наконец, ответил. На том конце что-то упало, кто-то хрипло и красочно выругался и застонал, и только потом послышался скрипучий голос Марата.

– Мусса, какого черта? Ты на часы смотришь вообще? – Да, братец звучал с утра ничуть не мелодичней, чем он сам.

– На какие часы? На те самые, которые ты мне подарил, и они теперь оглушают меня своим гребаным тиканьем? – усмехнулся Мусса.

– Ты мне из-за часов сейчас звонишь? – вопрос брата звучал так, что, будь Мусса чуть более робким парнем, ему бы точно захотелось застрелиться от скрытой угрозы, прозвучавшей в голосе Марата.

– Да ложил я на твои долбанные часы! Скажи лучше, у тебя вчера с этой Софией срослось?

– М-м-м-м. Черт! – В трубке какое-то движение и шуршание, затем хриплый голос брата позвал: – София? Детка, ты где?

Мусса ждал, но уже четко понимал, что его брата ждет, скорее всего, тот же утренний сюрприз, что и его. Наконец в трубке послышался опять голос Марата, и звучал он растерянно и даже немного расстроено.

– Мусса, она от меня свалила. Прокувыркалась со мной почти до утра, выжала меня как лимон и ушла! Даже гребаной записки не оставила!

Мусса чувствовал, как его тело начинает трясти от смеха.

– Да, братец, в этот раз нас с тобой поймали!

– Да пошел ты, Мусса! – рявкнул Марат. – Я вообще-то хотел с Софией встречаться! Она, мать ее, просто какой-то дикий огонь в постели! У меня мозг выкипел просто!

– Ну вот, теперь ищи ее, чтобы еще разок в постель затащить! – продолжал смеяться Мусса, понимая, что они с братом, похоже, в одинаковом положении. – Девочки поиграли с нами немножко и выбросили за ненадобностью.

– И что теперь? – мрачно спросил Марат. – Я хочу видеть ее снова.

– Аналогично. Но что мы можем? Они, видимо, так все с самого начала и задумывали. Просто искали развлечения на один вечер.

– Хреново, – вздохнул Марат.

– Это точно. Может, вы говорили о чем-то? Что-нибудь, что подскажет, где их можно искать.

– Да, собственно, мы мало говорили, – пробурчал Марат. – Как-то все не до этого было. Вы когда с Элоди ушли, подружке их кто-то позвонил и она свалила быстро. Мы потанцевали немного, пока крышу совсем не сорвало, а потом поднялись в кабинет и больше не спускались.

– Так ты еще в клубе? – спросил Мусса, представляя, в каком состоянии сейчас его любимый огромный диван в кабинете.

– Ну да. Ты меня своим звонком разбудил.

Мусса и сам раньше частенько ночевал в своем кабинете.

– София говорила, что вчера у Элоди был день рождения, – вспомнил Мусса.

– Да, точно. Мне она тоже сказала это. Что они уговорили ее выйти в люди впервые за долгое время. И еще, как я понял, Элоди живет где-то за городом.

– Вот ведь хрень! Совсем замечательно! И в самом-то городе найти кого-то – целое дело, а если она в городе раз в сто лет появляется, то шансы и вовсе равны нулю!

– Похоже на то, – вздохнул Марат. – Как же это хреново! Я, кажется, влюбился!

– Ты? – рассмеялся Мусса. – Ну, думаю, у тебя через пару дней все пройдет.

А сам задал себе вопрос, когда это пройдет у него? Как скоро он перестанет чувствовать запах и вкус Элоди и слышать ее протяжные стоны? Марат вздохнул и промолчал, но Мусса понял, что, видимо, и брата всерьез зацепило.

– А может они замужние дамочки, которые вырвались на одну ночь на свободу и решили зажечь с горячими парнями? – Голос брата прозвучал как-то тоскливо. – А мы, дебилы, просто им под руку попались? Они о нас и не вспомнят больше. Так, просто приложение к члену какое-то имелось?

– Что я слышу? Неужто ты и правда влип, братец? – усмехнулся Мусса.

– А ты типа нет, потому и звонишь мне сейчас с утра пораньше с такими вопросами?

– Черт, это все Любка-Пончик накаркала! Уволю на хрен толстуху рыжую!

– Мусса, сынок, когда у тебя открытие? – спросил отец, сидя напротив в зале ресторана.

– Через десять дней.

– Ты каким-то измотанным выглядишь. Тебе бы отдохнуть, к морю смотаться.

– Пап, мне некогда! Ты же знаешь, сколько всякой бюрократической волокиты. А взятки я не перевариваю давать этим клопам раздувшимся. Бесят они меня! Вот и мотают нервы!

– Слушай, но на пару выходных-то ты можешь к нам с Людмилой приехать в деревню. Ты ж так еще ни разу и не был. И Марата прихватил бы.

Мусса скривился. Он был целиком и полностью городским жителем, и деревенская романтика с тонким ароматом коровьего навоза его никогда не привлекала. Но отец был прав, с того момента, как они с Людмилой перебрались в большой деревенский дом, ни Мусса, ни Марат не были у них еще ни разу. И не то чтобы далеко: 100 километров при нынешних скоростях – фигня. Просто вечно заняты, да и желания особого нет – тащиться по гравийке в какую-то глушь.

– Не знаю. Попробую выбраться. Ты лучше скажи, когда вы с Людмилой распишитесь, как порядочные люди?

– Да я сколько раз уже предлагал! – махнул рукой отец и вздохнул. – Просил даже. А она говорит, что не нужно это. Она, мол, меня и без печати любит. Дети у меня взрослые, у нее тоже дочка давно выросла, так что, говорит, глупо это.

– Значит, ты недостаточно убедителен, отец!

– Да ты, смотрю, эксперт! Что-то у тебя тоже с этим не густо! Еще ни одну девушку не приводил, чтобы познакомиться. Да и брат твой такой же!

– Мы еще молодые! – засмеялся Мусса.

– В твоём возрасте вы у меня уже оба в школу ходили, между прочим! Молодые!

– Сейчас жизнь другая!

– Да не морочь мне голову! Сейчас средства предохранения от нежелательной беременности лучше, а жизнь все та же. Вот исхитрилась бы какая-нибудь девушка залететь от тебя, женился бы, никуда не делся!

– Вот поэтому я всегда предельно осторожен, пап! – И Мусса неожиданно почувствовал боль в зубах от нахлынувшего воспоминания о том, как совершенно забыл о предохранении в ту ночь с Элоди, желая обладать этой женщиной так полно, как это только возможно.

– Ладно, дело ваше, Мусса. Сам будешь потом жалеть, что не сможешь с сыном даже в футбол погонять, потому что будешь уже весь старый и скрипучий!

– А у меня только девочки будут! – усмехнулся Мусса. – Не болею фигней типа «надо продолжать фамилию» и все такое.

– Я тоже этим никогда не болел и очень жалею, что у меня нет дочери. Только и дочери в наши времена нужен отец, что будет в силах вправить мозг обнаглевшим юнцам, которые руки распускают!

– Думаешь, к тому времени, как я заведу детей, я не смогу наkostenить по шее тем ушлепкам, что будут около моей дочери увиваться? Да я при смерти буду, но своего ребенка в обиду не дам! – раздухарился Мусса.

– Да успокойся, сын! У тебя никакой дочери еще и в проекте нет, а ты уже планируешь, как будешь ее поклонников с кулаками встречать. Или, может, я чего-то не знаю, и в скором времени меня ждет приятный сюрприз? – хитро сощурил глаза отец.

– Ничего тебя не ждет, – ответил Мусса и вздохнул, подумав, что и сам не отказался бы от одного милого сюрприза в виде засевшей в его голове женщины со сладкой темной кожей и таким восхитительно чувственным ртом.

– Эй, Мусса! Ты меня слышишь? – Отец, видимо, уже некоторое время пытался привлечь его внимание. – Я говорю, когда нам с Людмилой тебя в гости-то ждать все-таки?

– Ну, давай я в эти выходные заскочу. – Раз отец так хочет, то почему бы и нет, хоть развеемся.

– Ну и здорово! Погода сейчас сказка! Сможешь и в озере недалеко от дома искупаться, и позагорать. А то совсем бледный со своей ночной жизнью стал. Девушку какую-нибудь прихватишь?

– Не-а.

Девицы, с которыми он спал, вряд ли оценят скромное очарование деревенской жизни. А видеть перед собой сморщенное от недовольства даже очень хорошенькое личико ему не хотелось, как и слушать недовольное фырканье девиц с километровым маникюром, что им грязь под ногти попала.

Опять невольно всплыло воспоминание о руках Элоди на его теле. У нее были коротко обрезанные ногти, и даже когда она впивалась в его спину и задницу, пытаясь удержаться в шквалах собственных оргазмов, то почти не оставляла царапин. А ему на следующий день, глядя в зеркало, даже хотелось иметь хоть такое подтверждение, что эта безумная ночь была на самом деле, а не просто привиделась ему. Ее прикосновения вообще были не похожи на те, что ему приходилось ощущать на своем теле раньше. Ее руки были сильными и ладони твердыми, и совсем не такими изнеженными, как ухоженные ручки его обычных партнерш. Она во всем была какой-то другой.

Мусса попрощался с отцом, и они разъехались по своим делам.

– Я в субботу утром еду к отцу с Людмилой в деревню. Поедешь со мной? – спросил он у Марата, когда встретился с ним в кабинете в «Логове».

– А на кого я клуб брошу? Вдруг головняки какие-то?

– Марат, но ты же уже хорошо натаскал Андрюху. Доверь ему клуб на пару ночей.

– А вдруг он не справится? Ты же сам потом с меня спросишь!

– Да что может случиться такого, что нельзя будет решить по приезду? Будем на связи оба. Поехали, отцу будет приятно. Мы уже тысячу лет не собирались даже за одним столом!

– Вот поженились бы они с Людмилой, мы бы и собрались на свадьбе!

– Он говорит, что она не хочет. Поехали, может, мы ее убедить сможем.

– Скажи лучше, что ты не хочешь тащиться без компании в эту глушь.

– Ну и это тоже.

– Тогда едем на моем джипе, я тебе не твои телки, чтобы к твоей широкой спине всю дорогу прижиматься!

– Да не дай Бог! Я тоже как-то больше люблю, когда к моей спине женская мягкая грудь прижимается, а не чужой член в зад упирается.

– Боишься, что понравится? – ехидно оскалился Марат.

– Младший, я тебя давно не бил, по-моему.

– Ага, лет десять, как не больше! Только теперь это еще вопрос – кто кого. Хотя могу тебе поддаться чисто из уважения к твоему преклонному возрасту.

– Дебил, у нас всего два года разницы!

– Два года до тридцатника – это, знаешь ли, целая жизнь!

– Ладно, давай в субботу пораньше выедем, так что до утра не кувыркайся, – усмехнулся Мусса.

Марат неожиданно помрачнел и что-то недовольно пробормотал себе под нос.

– Что? – не расслышал Мусса.

– Говорю, что я вообще уже две недели ни с кем не кувыркался, как ты говоришь. Чувствую себя как гребаный евнух, – раздраженно ответил брат.

Мусса усмехнулся, но решил промолчать, что чувствует себя аналогично.

– Может, они ведьмы какие-то и всю мужскую силу из нас высосали? – скривился Марат.

– Нет, ты точно дебил! – отмахнулся Мусса и пошел к выходу.

– А ничего так домик, – сказал Марат, выбираясь из машины перед большим деревянным коттеджем, построенном из желто-золотых сосновых бревен.

Большой двор был выложен золотисто-коричневой плиткой, а на клумбах пышно цвели гладиолусы всех возможных цветов и оттенков. Широкая лестница вела на просторную тенистую веранду.

– Алик, мальчики приехали уже! – послышался женский голос из одного из окон на первом этаже, и в дверях появился их отец.

– Ну, неужели в самом деле! – развел он руки, желая обнять появившихся, наконец, сыновей.

Из-за его спины выглянула невысокая миловидная женщина средних лет.

– Мальчики, давайте в дом! – разулыбалась она. – Обед будет с минуты на минуту.

– Люда, ты просто расцвела здесь на свежем воздухе! – воскликнул Марат.

– Это просто от того, что ваш отец теперь все время со мной и окружает меня любовью, а большего нормальной женщине и не надо, чтобы цвести, как роза.

– Да не скажи! – усмехнулся Мусса. – Что-то тем женщинам, которых я знаю, кроме большой и грязной любви требуется еще целый список весьма дорогостоящих вещей и масса наличности, чтобы почувствовать себя хоть немного счастливыми.

– Это точно! – поддакнул Марат.

– Это просто вы все время не тех девушек выбирает и не в том месте, – ответил отец, обнимая Людмилу за плечи.

– Ну, знаешь ли, что есть, то и берем, – усмехнулся Мусса. – Это просто Люда какой-то эксклюзивный вид женщины. Вымирающий, наверное.

– Да хватит вам глупости болтать, заходите уже.

Первый за последний год семейный обед напомнил Муссе о том, что совсем недавно они собирались так почти каждый день.

– Как мама? Кто-нибудь из вас говорил с ней недавно? – спросил отец уже за чаем.

– Да, она звонила мне вчера, – ответил Марат.

– И мне. У них с Максимом все нормально, – добавил Мусса.

– В Россию, вас навестить не собирается?

– Нет. Она говорит, что приедет только внуков нянчить, – усмехнулся Марат.

– О, ну тогда у нее есть все шансы забыть русский язык, пока она хоть от одного из вас внуков дождется! – безнадежно махнул на сыновей рукой отец. – Вот ты, Марат, когда уже остепенишься?

– А что я-то? – обиженно отозвался парень. – Вот Мусса старший, пусть он первый и отдувается!

– Э-э-э! Ты на меня стрелки не переводи! Я не готов пока сделать какую-нибудь женщину несчастной на долгие годы, заставив жить с таким, как я!

– А что так? Может, она наоборот сочтет это великим счастьем! – подколот Марат.

– Да уж точно бОльшим, чем жизнь с тобой! – огрызнулся Мусса.

– Мальчики, не ссорьтесь! – попросила их Люда, как маленьких.

– Да не обращай на них внимания, дорогая. Если они еще не катаются по полу, выбивая друг из друга дурь, значит, они вовсе и не ссорятся! – совершенно спокойно ответил мужчина.

– А что, и такое случилось? – удивленно спросила Людмила.

– Людочка, ты ведь растила одну дочь, так что ты бы удивилась тому, что может происходить в доме, когда растишь двух мальчишек!

Глава 4

Мусса проснулся удивительно рано для себя и какое-то время пытался сообразить, где находится и почему не слышно привычного громоподобного тиканья. В доме было так тихо, что это просто резало слух. В открытое окно вместо городского шума просачивалось только птичье щебетание. Мусса спустился вниз, ведомый поразительным запахом домашнего хлеба.

– Ты так рано! – удивилась Люда. – Что, не спится в незнакомом месте?

– Ага. Так тихо, что даже страшно, – усмехнулся Мусса.

– Я думала, вы дольше с Маратом поспите. Сейчас пойду, Алика разбужу, пусть к Ладе за моим заказом съездит. Хочу вас настоящими домашними яйцами накормить и молоком свежим.

– А далеко ехать-то? – спросил Мусса.

– Да нет. Пару километров дальше по дороге. Там не пропустишь. У Лады вывеска прямо на заборе «Домашние молочные продукта и яйца».

– Так давай я и сметаюсь! Как раз окрестности посмотрю. Что взять-то нужно?

– Я все заказала по телефону. Но можешь еще попросить у Лады сыра козьего с зеленым чесноком и с грибами, если у нее, конечно, кусочек найдется. А то сейчас летом дачников много, и у нее все разгребают подчистую моментально. Вот, держи баллоны.

Мусса, прихватив сумку с двумя баллонами, заглянул в комнату к спящему Марату и взял ключи от джипа.

Ехал он медленно, с любопытством осматривая открывающийся пасторальный пейзаж. Местные или дачники провожали незнакомую машину долгими взглядами.

Вскоре показалась вывеска, о которой говорила Людмила. Ворота были приглашающе открыты, и Мусса, не церемонясь, заехал прямо в обширный, усыпанный гравием двор. Сразу же в нос ударил запах близости животных. Мусса поморщился, как истинный горожанин. Большой двор был пустынным, и только чуть поодаль у сарая стоял старый пикап с прицепом. Слева в углу двора под большим раскидистым деревом был длинный стол из струганных досок, на ножках из вкопанных в землю круглых бревен и такие же длинные лавки. Там сейчас одиноко сидела девочка лет четырех и с любопытством смотрела на незнакомую машину. Перед малышкой лежал альбом и карандаши. Мусса явно застал ее в момент сотворения очередного шедевра, что будет украшать стены в доме ее родителей.

Мусса выбрался из машины и пошел в сторону девочки. У нее были кучерявые светлые волосы и при этом довольно смуглая кожа и яркие синие глаза. Мусса внутренне усмехнулся. Эта экзотичная красота явно разобьет немало сердец, когда малышка превратится в красивую девушку.

– Привет, – сказал он.

– Пливет. А вы к кому? – Бровки девочки сошлись домиком, собирая сердитые складочки на лбу.

– Меня вот за молоком послали, – Мусса продемонстрировал девочке сумку с баллонами в качестве доказательства чистоты его намерений. – Позовешь кого-нибудь взрослого?

Девочка внимательно посмотрела на баллоны в его сумке, словно желая удостовериться в их подлинности, и только потом важно зашагала к открытым дверям сарая в глубине двора. Подойдя к дверям, она закричала во все горло:

– Ма-а-а-ам! Тут к тебе какой-то долбаный уголовник за молоком плехал! – и с довольным видом повернулась к Муссе.

Он чуть не выронил баллоны и, подойдя ближе к дерзко смотревшей на него снизу вверх малявке, негромко спросил:

– Это почему же я уголовник?

– Потому что у тебя это, – девочка указала пальчиком на его татуировки на руках. – У дяди Коли тоже есть, и тетя Лиля всегда его называет «этот долбаный уголовник». Плавда, у него они не такие класивые, как у тебя.

– Валюш, ты с кем там? – раздался из недр сарая голос, от которого у Муссы все волосы на теле встали дыбом.

Наружу шагнула стройная женщина, одетая в свободные джинсы и широкую клетчатую мужскую рубашку, и Мусса встретился с поразительными темно-синими глазами, которые ему, видимо, теперь никак не забыть.

Элоди, узнав его, тихонько охнула и отшатнулась. Ее взгляд заметался, словно она искала, где бы спрятаться. На щеках вспыхнули красные пятна, признак крайнего смущения, а губы разомкнулись, выдавая сбившееся дыхание.

– Т-т-ты? Что ты тут делаешь? – запинаясь, спросила она, не глядя в его глаза.

– За молоком вот приехал, – тупо ответил Мусса, пожирая ее голодным взглядом.

Все его тело напряглось, впитывая ее образ. От вида ее гладкой кожи, в солнечном свете напоминавшей золотисто-коричневатую сладостную карамель, у него уже знакомо заныли сжатые челюсти и тягуче заболело в паху.

– Ма-а-ам, ты знаешь этого дядю? – маленькая девочка переводила взгляд с Элоди на Муссу, заставляя его тоже вспыхнуть от смущения за его очевидное возбуждение.

– Валюш, возьми у дяди... Муссы сумочку с баллонами и отнеси тете Лиле, – тихо попросила Элоди.

Девочка схватила за сумку, и Мусса, очнувшись от своего наваждения, отдал ее.

– Ты следил за мной? – накинулась на него Элоди, как только девочка ушла.

– Что? Нет!! Меня Люда прислала за молоком и яйцами. – Мусса вдруг понял, что почему-то защищается.

– Люда? Ах да. Я сейчас соберу все, – и женщина резко развернулась уйти. Но Мусса метнулся вперед и схватил ее за руку.

– Постой! Я, конечно, случайно тебя нашел, но раз уж так вышло, хотел бы знать, почему ты ушла и не оставила контактов. – От прикосновения к ее коже в нем опять спиралью стало скручиваться неумолимо жесткое желание.

– Может, потому, что не хотела, чтобы ты меня нашел? – Элоди попыталась высвободиться и выглядела почти напуганной.

– Почему? Разве я чем-то тебя обидел, или то, что между нами было, не понравилось тебе? – Мусса не уступал и попытался притянуть Элоди ближе, чтобы опять ощутить ее экзотический запах.

– Мне все понравилось. Но это было... – она отстранилась еще дальше и сильнее покраснела. – Я бы не хотела говорить об этом больше никогда.

– Вот как? Говорить не хочешь... А повторить желания нет? – Мусса ощущал волну злости, что медленно поднималась внутри.

– Не-е-ет! Отпусти меня!

– Я что, был так плох, сладенькая? – сузил глаза Мусса, и не думая отпускать ее руку.

– Да причем тут это! И не называй меня так! – Она оглянулась вокруг, словно боялась, что их услышат.

– Ты замужем? – Мусса и сам не мог понять, почему от этой мысли сердце скатилось ему в желудок.

– Что? Нет, конечно! Неужели ты думаешь, что я стала бы... – и Элоди запнулась, опять оглядываясь.

– Ну давай, скажи это, – прошипел Мусса, снова притягивая Элоди к себе. – Стала бы трахаться со мной?

– Замолчи! – шепотом взмолилась Элоди. – Не говори об этом здесь!

– Не говорить о чем, сладкая? – Мусса все же прижал ее к себе и зашептал в самое ухо, невесомо касаясь губами и обливая тяжелым горячим дыханием. – О том, как ты целовала меня так, что я обезумел от возбуждения? Или о том, как ты кричала, отдаваясь так, как будто это последняя ночь в твоей жизни? Или хочешь, чтобы я не говорил тебе, что становлюсь каждый раз твердым, как долбаный гранит, когда вспоминаю, как выглядели твои губы на моем члене?

Элоди, задрожав, издала жалобный сдавленный стон и резко рванулась из рук Муссы.

– Прекрати! – взмолилась она.

– Прекратить что? Хотеть тебя так, что мне просто больно? – не проявил милосердия Мусса. – Уж извини, этого я не могу. Ты должна знать, что желание не выключается по команде или по щелчку пальцев. Или ты думала, что ты можешь просто так прийти, сварить вкрутую мой мозг, оттрахав меня до умопомрачения, а я на утро об этом и не вспомню?

– Мусса, пожалуйста, давай закроем эту тему! Я не хочу, чтобы нас кто-нибудь здесь услышал. – Элоди смотрела на него серьезно и решительно.

– Мы закроем эту тему, когда поговорим, как два взрослых человека, и ты мне все нормально объяснишь. Не хочешь говорить сейчас? Прекрасно, давай встретимся позже в другом месте.

– Я не могу сегодня. У меня очень много работы.

– Прекрасно, тогда я сяду тут под деревцем и буду ждать до тех пор, пока ты не освободишься.

– Но это будет только поздно вечером, – возразила Элоди.

– Ну и прекрасно! Я на отдыхе и спешить мне некуда. Элоди, я никуда не уйду, пока ты со мной не поговоришь и не приведешь хоть одну разумно звучащую причину, почему мы не можем повторить ту ночь.

– Ты должен отвезти продукты Людмиле, – попыталась Элоди.

– Просто позвоню отцу, и он приедет за ними сам, – беспечно пожал плечами Мусса.

– Ты не отстанешь?

– Нет! Даже не надейся на это.

– Но у меня и вправду нет времени. Мне нужно ехать в поле собирать сено. На завтра обещают грозу.

– А что, больше некому этим заняться?

– Некому. Мои приходящие помощники запили опять в самый подходящий момент.

– А если я помогу тебе, ты согласишься встретиться со мной и нормально поговорить?

– Ты мне pomoжешь? – усмехнулась Элоди. – Станешь по жаре впахивать в поле, чтобы просто поговорить со мной?

– Думаешь, ты не стоишь этого, сладкая? – скривил губы в похотливой усмешке Мусса.

– Только не думай, что в благодарность я сразу раздвину перед тобой ноги!

– Нет, что ты, Элоди! Пока я рассчитываю только на содержательную беседу. Хотя не стану отрицать, что буду во время нее думать о том, как бы уложить тебя на спину. Как, впрочем, и все время с той ночи. А сейчас давай мне то, что заказала Людмила, и жди моего возвращения. Попробуешь сбежать – я устрою тут осаду и буду жить под твоим забором, пока ты не сдашься.

– Куда мне бежать? Я здесь живу!

Элоди

Она не могла поверить своим глазам. Какова вероятность, что ее случайный любовник найдет ее здесь? Это что, закон подлости или теория невероятности в действии? Сердце скапало ей в желудок, и от смущения и страха затошнило. И зачем только она повелась на эту затею девчонок? Ведь знала, что с ее потрясающим везением наживет неприятностей гораздо больше, чем удовольствия. Но, видимо, годы в одиночестве и алкоголь сыграли с ней злую

шутку. Согласившись на этот поход в клуб в честь своего дня рождения, а потом и на эту авантюру с сексом на одну ночь, разве могла она подумать, что ее приключение будет иметь продолжение?

Но вот посмотрите – прямо сейчас это самое продолжение выезжает на своем навороченном джипе с ее двора и собирается вернуться в течение часа. А она стоит с глупым, пылающим от стыда и возбуждения лицом и не знает, что ей делать.

Врать себе не стоило – на самом деле она не забыла ни одной минуты, проведенной той ночью с Муссой. И даже не потому, что это был ее первый сексуальный опыт с кем-то, кроме мужа, с которым они разошлись больше двух лет назад. Просто Мусса был слишком... другим. Все ее ощущения с ним были настолько интенсивными и яркими, что ей даже казалось, что она не сможет их вынести. Единственным мужчиной и любовником Элоди до этого был ее бывший муж Олег. Он не был эгоистичен в постели и вроде заботился об удовольствии женщины, но до той ночи с Муссой сравнивать ей было не с чем.

Теперь же, анализируя свои ощущения, Элоди понимала, насколько мужчины были разными. Олег был художником по жизни, оставался им и в постели. Для него так много значили внешняя эстетика процесса и чтобы все шло так, как он задумал. Иногда Элоди казалось, что, занимаясь сексом, он больше любовался собственной ролью и тем, как это выглядит. Это ощущение трудно было объяснить. Но частенько она чувствовала себя в постели его холстом, безликой вещью, из которой он словно создает свой очередной шедевр. Так же, как тогда, когда она ему позировала, так и в моменты близости, Элоди чувствовала себя лишь объектом, привлекавшим внимание художника. И создавая картину или их секс, Олег больше упивался не их эмоциями, а собственной ролью гениального творца. Он приводил ее к вершине так сосредоточенно и тщательно добиваясь нужной ему реакции, что частенько Элоди сомневалась, отличалось бы это все, если бы на ее месте была другая? Олегу был важен результат, удавшееся творение. Такое, какое он задумал. Не важно, картина это или акт любви. Оно просто должно быть совершенным в его представлении.

Но с Муссой это было что-то абсолютно другое. Это отличалось, как может отличаться мощная и неукротимая стихия бушующей по весне горной реки от мерного организованного потока в искусственном красиво оформленном канале. Сексуальная энергия, исходящая от Муссы, была словно бурный поток, прекрасный и пугающий в своем неистовстве и сметающий любые преграды на пути. Его жесткий голодный взгляд, прикосновения, уверенные и властные, запах настоящего сильного самца и возбуждающие, бесстыдные слова, что с легкостью слетали с его языка... Все это будило в Элоди отклик, резкий и острый в своей сладости, добираясь в какие-то глубинные, ранее незатронутые уголки ее натуры. Те, о существовании которых она и сама не подозревала до их встречи. Так, словно первый же его поцелуй изменил ее чудесным образом, открывая миру и самой себе совершенно новую Элоди. Способную быть неистовой и страстной, и идеально свободной в своих желаниях и потребностях.

Мусса своей яростной ненасытностью и требовательной, жадной чувственностью будто оставил ее без защиты, совершенно голой прежде всего перед самой собой. И это испугало Элоди почти до истерики. После развала их брака с Олегом, Элоди жила точно в каком-то оцепенении, подавляя в себе свою женственность и желания. Она словно замерла как женщина, посвятив всю себя дочери и процессу становления их быта. Оставшись одна с крошечным ребенком на руках, в деревне, без привычных бытовых удобств, без помощи и элементарных навыков сельской жизни, Элоди поначалу просто училась выживать. Потом увлеклась идеей создания собственной мини-фермы и направила все силы и энергию на это. Изнурительный труд от рассвета до заката не особо способствует полету фантазии перед сном и терзаниям по поводу одиночества в постели.

Конечно, были попытки местных мачо подкатить к ней и ангажировать себя в качестве постельной грелки, а заодно и хозяина в ее уже налаженном хозяйстве. Но терпкий запах само-

гона и «изысканные» манеры претендентов отбивали у Элоди любое желание даже рассматривать их предложения более детально. Работников она предпочитала нанимать, хозяйничать и решать все сама, а мужчина, согревающий постель... он был ей не нужен. До сих пор.

Элоди посмотрела через двор на дочку, которая тем временем вернулась к своему рисованию. Вот зачем она повелась на уговоры и сорвалась в этот дурацкий ночной загул со старыми подругами?

И вот результат. Уже две недели она не может спокойно заснуть вечерами, крутятся в постели и пылая от мыслей о той единственной случайной ночи. Воспоминания о том, как ощущалось тело Муссы, давящее на нее восхитительной тяжестью снаружи и раскаленной, невыносимой твердостью в глубине, заставляли ее грудь наливаться болезненной тяжестью, а внутренние мышцы лона сокращаться, словно желая опять ощутить его в своих глубинах. Картины того, что она сама творила, совершенно потерявшись в наслаждении, вкусе и запахе этого мужчины, зажигали огни по всему телу и лицу, вынуждая гореть от смущения и дикого возбуждения.

Элоди четко настроилась на то, что нужно выбросить все это из головы и перестать ощущать себя как течная кошка, но судьба решила сыграть с ней шутку и немислимым образом привела это ходячее искушение к самому ее порогу.

Ну ничего, она поговорит с ним сегодня вечером и объяснит, что это был случайный эпизод. Он ничего не значит, и продолжения не будет. Просто секс на одну ночь. Он ведь должен это понять? Такие мужчины, как он и его брат, наверняка делают это постоянно, так что проблем быть не должно. Они поговорят, и Мусса уберется обратно в свой город к куче женщин, которые только и ждут, когда на них обратится его взор, чтобы упасть в его объятия. Так, как сделала она сама. Растаяла с первого же его жаркого, властного взгляда. Растеклась лужей от первого же касания таких волшебных губ.

Элоди закрыла глаза и тихо застонала от того, как остро нахлынуло воспоминание об этом его рте повсюду на ее теле. Поглощающем и покоряющем ее. Проникающем повсюду, стирающем все ее внутренние запреты и сжигающем в его жадной неистовости.

– Мамочка, у тебя головка болит? – сочувственно спросила Валюша.

– Нет, солнышко. Все хорошо, – выдавила улыбку Элоди.

Все, надо это прекращать! Совершенно она расклеилась! Нужно гнать из головы все мысли о Муссе. Сегодня она скажет ему, что никаких продолжений не будет и все, конец!

– Ма-ам, а этот уголовник мне понравился, – неожиданно сообщила дочь.

– Какой уголовник? – нахмурилась Элоди.

– Ну, этот. Дядя Мусса, у котолого на руках калтинки, – ответила дочь.

Они у него не только на руках, чисто машинально отметила Элоди, вспоминая, как выглядело его обнаженное, покрытое потом тело, когда он отрывался от нее и откидывался на простыни в изнеможении. А еще – как притягивала ее взгляд его потрясающая мускулистая спина и задница, когда она любовалась на него, спящего, перед тем как уйти. Стоп, Элоди!!

– И чем же тебе он понравился? – вернулась женщина мыслями к разговору с дочкой.

– Ну, он большой и класивый. У него вон какие мыш-ш-шыцы. А еще от него холошо пахнет. Не так, как от дяди Коли и дяди Миши.

Ну да, от этих двоих приходящих помощников всегда несло самогоном и дешевым куревом. От Муссы же пахло дорогим парфюмом и сильным мужчиной.

– Мам, а плавда тетя Ли́ла говолит, что если ты влюбишься в какого-то дядьку, то он будет моим новым папой? – пытливо посмотрела на Элоди Валюша.

– У тети Лили больно язык длинный! – рассердилась Элоди.

– Ну ма-а-ам, ну скажи!

– У тебя уже есть папа, и ты это прекрасно знаешь. И поэтому даже если я влюблюсь, то это ничего не изменит, родная.

– Но мой папа всегда занят и никогда не приезжает. А я хочу папу, который будет жить с нами. Как у Ленки и у Фильки!

Элоди с грустью посмотрела на дочь. Олег действительно не навещал их уже несколько месяцев. Да и по телефону говорил с дочерью, только когда Элоди сама его набирала и настаивала. Тогда он сюсюкался несколько минут, засыпал дочь обещаниями и вскоре прощался. Тут же, видимо, забывая о ее существовании.

– Валюша, а давай, когда я с сеном закончу, мы с тобой съездим в город в парк аттракционов и заодно навестим папу.

Девочка обрадовалась и метнулась к матери.

– Палк! Давай в палк! Я хочу сахалную вату!

– Вот и договорись, – обрадовалась Элоди, что вышло отвлечь ребенка от грустных мыслей.

– Только ведь папа все лавно не приедет с нами жить, – вздохнула девочка и вернулась к своим рисункам.

Элоди промолчала, потому как сказать ей было нечего.

Глава 5

– Марат, подъем! – влетел Мусса в комнату ко все еще спящему брату и пнул его кровать.
– Мусса, да какого же тебе не спится в последнее время? – проскрипел Марат.
– Вставай, говорю, лентяй. Дело есть срочное.
– Отвали от меня! Я сюда отдохнуть приехал и буду спать, сколько захочу! – отвернулся к стенке Марат.

– Софи-и-ия-я-я! – пропел Мусса, и Марат мгновенно вскочил.

Он ошалело оглядывал комнату в поисках несуществующей девушки. Потом его лицо стало злым, и Марат, сжав кулаки, двинулся на брата явно не с дружественными намерениями.

– Слушай, я с самого детства не хотел так дать тебе в морду, как хочу прямо сейчас! – практически зарычал он.

– Эй, а ну потише, братишка! – выставил перед собой руки Мусса.

– Я тебе сейчас покажу – потише! Думаешь, это смешно? – все больше заводился Марат.

– Да послушай ты меня! Я Элоди нашел!

Марат остановился посреди движения, и лицо его стало просветляться.

– Элоди? Это значит, что она может сказать, как найти Софию! – просиял Марат.

– Если, конечно, захочет. Она не особо рада была меня видеть. Так что я сейчас быстро завтракаю и еду изображать из себя сельского пахаря, или кто там они. Надеюсь, общий труд на свежем воздухе достаточно возбудит эту сладенькую дикую кошечку, и сегодняшнюю ночь я опять проведу, упражняясь в горизонтальном танго. А то мой бедный член все эти две недели отказывается смотреть хоть на кого-то, но зато готов лопнуть при одном только воспоминании о ней.

Марат потряс головой.

– Я не понял ничего! Ты можешь мне нормально объяснить? Элоди где-то тут отдыхает?

– Нет, мой тупой братец. Она тут живет. У нее какая-то там мини-ферма, или как там это называется.

– Это как в компьютерной игре? Коровы, курочки и все такое? – усмехнулся Марат.

– Нет, дебил. Это как реале – запах навоза, мухи, жара и работа в поле, в поту и пыли.

– И что, ты намерен погрузиться во всю эту чудную романтику ради того, чтобы опять залезть в трусы Элоди? – скривился Марат.

– Именно так! И если ты рассчитываешь на то же самое с Софией, то, думаю, тебе тоже придется это сделать. Вряд ли Элоди согласится дать тебе ее номерок только за то, что ты ей поулыбаешься.

– Потому что ты это делаешь лучше?

– Ну, это однозначно. Но, думаю, что если хочешь что-то получить, то стоит постараться. А посему, если все еще хочешь попытаться, то вставай и пошли завтракать.

– Я понял: ты просто хитрозадый сукин сын! Ты хочешь, чтобы тебе самому пришлось меньше пахать по такой жаре, и вы с Элоди быстрее освободились!

– Да ты гений! Правильно угадал! К тому же я хочу приберечь побольше сил для ночной работы. Так ты со мной или как?

Когда Марат спустился к завтраку, Мусса уже допивал кофе.

– Давай поживее, Марат! – поторопил брата он.

– Вы куда-то торопитесь? – поинтересовалась Люда.

– Да. Мусса собирается изображать бесплатного поденного работника у Элоди, да еще и меня решил припахать по-родственному, – скривился Марат.

– О-о-о, ты решил Ладушке помочь? – широко улыбнулась Люда. – Это просто замечательно, мальчики. Она ведь, бедная, все сама колотится. Свое хозяйство с нуля поднимала. Муж бросил ее тут с малышкой.

– А как они вообще тут оказались? – тут же подобрался Мусса.

– Да как, как? Как это у нас баб бывает? Девчонкой совсем была, влюбилась, замуж за художника этого нищего выскочила. А у него идея великая была – жить в экологически чистом месте. Растить детей на лоне девственной природы, блин. Хотел из себя великого творца изображать. Ходить босиком в льняной рубахе и картинки шедевральные писать. Убедил Элоди продать квартиру в городе. Ей после смерти бабушки большая квартира в центре осталась. Ну, продали. Купили дом старый и земли. Но, понимаешь-ли, вышло так, что жизнь в деревне без удобств совсем не так прекрасна, как ему с диванчика в теплой городской квартире рисовалось.

Дрова нарубить, воду из колодца по морозу таскать. Сортир на улице, душ летний – тоже. Никакой красивой романтики, а только много-много тяжелой, грязной работы. К тому же покупатели почему-то не торопились становиться в очередь за его гениальными шедеврами. Вот и стал он обратно в город со своими картинами ездить. Сначала каждый день возвращался. Потом стал, вроде как, у друзей на день-два оставаться. Потом почти по неделе пропадать. А вот когда Валюшке чуть больше года было, сообщил Элоди, что у него, видишь-ли, новая любовь, и его нежной артистической натуре не прикажешь, так что он уходит от нее. Просто так взял и позвонил с такой новостью, даже приехать не потрудился. А на самом деле просто нашел какую-то богатую тетку, которая за свои деньги стала его раскручивать. Мальчик просто быстро сориентировался в этой жизни, как женщин в своих целях использовать.

– Вот ублюдок! – пробормотал Мусса. – А что Элоди?

– Да что? Сам ведь видел. Отремонтировала дом. Наладила хозяйство. Научилась сыры такие делать, что у нее все влет разбирают, да еще и ресторан какой-то городской закупается. Живет, в общем, потихоньку. Только периодически тяжело ей приходится. У нас ведь в деревне помощники и наемные работники кто? Одно алкашье, сидельцы бывшие, никто постоянной работы не ищет, а так – от шабашки к шабашке перебиваются. Ненадежные они. С ними сегодня договоришься, а завтра они возьмут и не придут, если в другом месте более легких денег нанюхают. А если уж хоть копейка в руки попала, то все – пока не пропьют, не остановятся. Пропавшие люди, – махнула рукой Люда. – А ты что же, Мусса, просто помочь ей решил, или понравилась тебе наша Ладушка?

– Ага, Мусса у нас целыми днями только и ищет, как бы помочь одиноким женщинам, – съехидничал Марат. – У него прямо цель в жизни – не обойти своим вниманием ни одну. Конечно, при условии, что они симпатичные.

– Заткнись, а? – вяло отмахнулся Мусса. – Мы просто немного знакомы с Элоди. А раз я тут и все равно заняться нечем, почему бы не помочь. Не валяться же кверху брюхом на солнце?

– Угу... – хотел опять вставить свои пять копеек Марат, но Мусса замахнулся дать ему подзатыльник.

Брат увернулся, и, поблагодарив Люду за завтрак, они ушли, продолжая негромко пререкаться.

– Так вот как живут самые горячие женщины современности! – огляделся Марат, выбираясь из машины. – Привет, Элоди! Страшно рад тебя видеть, но если бы тут еще и София образовалась, то вообще бы обделался от счастья!

– Эй, следи за тем, что говоришь, – одернул брата Мусса и кивнул на маленькую девочку, пристально глядящую на них из-за длинного стола.

– Привет, Марат, – вымученно улыбнулась Элоди. – Боюсь, Софию ты тут не дождешься. Она не большой любитель сельской жизни, и бывает у меня редко.

– Ну и не страшно. Я готов поехать куда угодно, чтобы ее увидеть. Просто дай мне адресок, – подмигнул Марат.

Элоди явно смутилась.

– Я не смогу и тут тебе помочь. Вряд ли она обрадуется, если ты появишься у нее на пороге.

– Но хоть на что-то я рассчитывать могу? – настроение Марата явно быстро катилось вниз.

– Могу только набрать ее и попросить поговорить с тобой, – развела руками Элоди.

– Ну что же, пусть будет хоть что-то, – горько усмехнулся парень. – Так что мы там должны сделать?

– Вы ничего мне не должны, – пожала плечами Элоди. – Я ни о чем вас не просила.

– Элоди! – укоризненно сказал Мусса. – Мы вроде договорились о чем-то?

– Элоди, извини, я неправильно выразился, – попытался исправиться Марат. – Два пышущих дурным тестостероном мужика прибыли в твое распоряжение. Готовы быть использованы тобой по любому назначению.

– Дядя Мусса, а ты сам велнулся и длу́га привел? – подошла к ним девочка.

– К сожалению, он мне не друг, – улыбнулся Мусса. – Он – мой приставучий и донимучий младший брат.

– А у меня нет брата. Я пошла у мамы, но она говорит, что нельзя достать брата, если нет папы. Может кто-нибудь из вас побудет немного папой, чтобы мама смогла достать мне брата?

Мужчины поперхнулись воздухом и рассмеялись.

– Валюша, ну что ты такое болтаешь! Иди в дом к Лиле и скажи, что мы уехали в поле за тюками! – Мусса видел, как на щеках Элоди опять загорелись яркие пятна, и она, отвернувшись, быстро пошла к пикапу с прицепом.

– А что, это гениальная мысль, Мусса. Стань папочкой девочке, а там уже и в постель мамочки прямая дорога, – прошептал на ухо Муссе Марат.

– Пошел ты! – неожиданно зло огрызнулся Мусса. – Думаешь, для ребенка это шутки?

Мусса пошел следом за Элоди. Марат тряхнул головой и догнал его.

– Прости, ляпнул не подумавши.

– Забудь. Просто не шути так больше. Для детей это очень серьезно. Вспомни нас.

Марат нахмурился. Да, конечно, их родители расходились совершенно цивилизованно и спокойно и сохранили уважительные и даже дружеские отношения, но осадок и чувство боли все равно осело где-то глубоко внутри. И хотя они уже были не так уж и малы, когда отец с матерью известили их о том, что разводятся, и мозгами они все понимали, но сердцу-то болеть никак не запретишь. Может, поэтому они с Муссой совершенно не торопятся связывать себя обязательствами, потому что не верят в то, что это будет навсегда? Что не рассыплется в один день, и не будут их собственные дети переживать то же, что и они сами?

Пикап Элоди чихал и нутужно стонал, пока заводился.

– Сколько лет этому корыту? – усмехнулся Мусса, сядя рядом с женщиной.

– Да, где ты раздобыла это раритет? – поддакнул Марат, влезая назад.

– Будете оскорблять моего Дина, пойдете пешком, – гордо ответила им Элоди.

– Прошу прощения? У твоего грузовика есть имя? – поднял брови Мусса.

– Да. Познакомьтесь, это мой Дин Винчестер! – улыбнулась Элоди. – Чистокровный американец. Сильный, надежный и жутко сексуальный.

– Черт, никогда не мог понять, что вы, девушки, находите сексуального в этих Винчестерах! Разве что их большие пушки и ножи! – возмутился Марат.

– А ты и не должен понимать! Ты ведь не девушка и вроде не гей! – Элоди медленно вывела машину со двора.

– Вроде? Да я самый натуральный натурал, какой только может быть, – возмутился Марат.

– Ага, значит, стопроцентный гомофоб.

– И ничего подобного! – почти обиделся Марат. – Я нормально к геям отношусь, просто прекрасно. Главное, чтобы они никак ко мне не относились. А то я как-то на своей заднице предпочитаю только женские ручки ощущать. Поэтому, чем дальше от меня гей, тем лучше я к нему отношусь.

– Мусса, а ты чего молчишь? – неуверенно улыбулась ему Элоди.

– Хочешь поговорить со мной о моих сексуальных пристрастиях? – усмехнулся мужчина.

– Так я тоже люблю только женщин, сладкая. Уж тебе ли сомневаться?

– Я не сомневаюсь, – Элоди опять покраснела. – Просто ты сидишь такой притихший.

– Ну, просто меня везет женщина... Как-то не по себе от того, что не я за рулем.

– А, вот оно что! Ты у нас шовинист и считаешь, что женщина за рулем опасней обезьяны с гранатой?

– Ничего подобного!

– Я вас поймала, братцы-кролики. Один гомофоб, другой шовинист!

– А вот и неправда! – возмутился Марат.

– Что неправда?

– Что мы кролики. Поверь, мы очень долгоиграющие! – рассмеялся Марат, откидываясь на спинку.

– Да я как бы знаю, – пробормотала Элоди себе под нос, опять краснея.

Судя по тому, какой горячий взгляд на нее бросил Мусса, он ее прекрасно расслышал.

– Ну, вот мы и на месте, – сказала Элоди, выезжая на поле. – Здесь около тысячи тюков. Нам нужно грузить их на кузов пикапа и на прицеп, отвозить домой и там разгружать и складывать на хранение в сеник. Ну что, не пугает работенка?

– Элоди, скажи, сколько весит каждый тюк? – раздраженно нахмурился Мусса.

– Ну, что-то от 18 до 25 кг. А что?

– И ты хочешь сказать, что была намерена сама, в одиночку, перетаскать их все? – голос мужчины был все более злым. – Ты с ума сошла?

– У меня нет выхода, – пожалала плечами Элоди. – Если эти тюки попадут под дождь, они очень быстро сгниют, и мои животные останутся без сена зимой.

– Но ведь кто-то должен тебе помочь! – возмущенно махнул рукой Мусса. – Нельзя женщине так много и тяжело работать!

– Мне и должны были помогать Коля с Мишей! Но они где-то наштабали денег и теперь, пока не пропьют все до последней копейки, на работу не выйдут! А дождь уже на завтра обещали! И вообще, чего ты на меня орешь? Не хочешь работать – просто уходи. Я ведь тебя не заставляла!

И Элоди схватила ближайший тюк и потащила к прицепу, стигаясь под его тяжестью. Мусса выругался себе под нос и выхватил у нее тяжелый тюк.

– Сядь за руль, женщина! – рявкнул он. – Будешь медленно ехать вперед, пока мы будем собирать эти гребаные тюки.

– Ты же не любишь женщин за рулем, – съязвила Элоди, и Мусса одарил ее взглядом, обещающим страшную расправу.

Марат, посмотрев на них, только покачал головой с загадочной улыбкой.

– Перчатки возьмите! Сено колючее! – сказала Элоди, протягивая им матерчатые перчатки.

Вскоре прицеп и кузов были загружены.

– Ну что, двигаем домой разгружаться? – крикнул Мусса.

Он уже снял футболку, и его мускулистое, расписное тело поблескивало от пота в жарких лучах солнца. Он поймал взгляд Элоди на себе и опять завелся за пару ударов сердца. Как ни постаралась она быстро отвести взгляд, Мусса все же прочитал в нем отражение собственного сексуального голода. Элоди хотела его так же сильно, как он ее. Губы Муссы сами собой опять растянулись в торжествующей улыбке победителя. Да, как бы она ни сопротивлялась, но она опять окажется под ним, и так скоро, как это только возможно. И будет это продолжаться до тех пор, пока он не насытится ее изысканной сладостью и, успокоив свой дикий голод по этой женщине, сможет спокойно пойти дальше.

– Знаешь, что меня больше всего в тебе удивляет, сладкая? – сказал Мусса, намеренно сокращая между ними расстояние и понижая голос до чувственного шепота. – После того, что мы с тобой вытворяли той ночью, ты еще умудряешься так мило краснеть, просто взглянув на мой обнаженный торс.

Мусса уловил, как Элоди резко выдохнула, стараясь скрыть свою реакцию на его слова. Он прекрасно знал, что ее воображение после его слов нарисует ей красочные картинки их недавней близости. Он играл откровенно нечестно, но его сейчас это мало волновало. Он хотел достичь результата любой ценой. И не стеснялся для этого пользоваться собственной природной привлекательностью.

– Просто здесь ужасно жарко, – вздернула подбородок Элоди, старательно скрывая свою реакцию на него.

– Ну да, я так и подумал. Поэтому я даже отсюда могу видеть твои соски, торчащие сквозь эту ужасную рубашку, – насмешливо хмыкнул Мусса.

– Ну, ты тут не единственный, на кого я могу реагировать, – упрямо посмотрела в его глаза женщина.

– Напекаешь на то, что тебя так присутствие Марата завело?

– А почему нет? Ты настолько уверен в своей исключительной привлекательности?

– Конечно, нет. Я прекрасно знаю, как цыпочки ведутся на моего брата. Но думаю, что с тобой это не тот случай.

– Это почему же?

– Потому что тогда в клубе ты выбрала меня. И со мной ты уехала, будучи знакома меньше часа.

– Пытаешься сказать, что я легкомысленная шлюшка, которая едет с парнем к нему домой, едва перекинувшись парой слов? – вспыхнула, как спичка, Элоди.

– Вовсе нет, сладкая! – Мусса, стянув перчатку, протянул руку и провел пальцами по нежной щеке Элоди. – Я просто хочу сказать, что между нами возникло напряжение, и оно есть до сих пор. Именно поэтому я был тем братом, что провел ту ночь между твоих ног. И именно меня ты все еще хочешь. Как, впрочем, и я тебя.

Мусса провел кончиками пальцев по губам Элоди и чуть нажал на нижнюю, заставляя их разомкнуться. Горячая тугая волна ударила ему в голову и прострелила болью пах. Черт, эта женщина заставляла его заводиться так быстро, как никогда в жизни.

– Господи, как же мне нравится твой грешный рот, сладкая! Если бы ты знала, сколько всего я хочу с ним сделать прямо сейчас!

– Ну что, мы едем? – Марат появился около машины, разрывая эту эротическую игру.

Глава 6

Они управились за три заезда, и уже к шести вечера все сено было надежно укрыто в сеннике.

– Не ожидала, что вы такие эффективные работники, – рассмеялась довольная Элоди.

– Могла бы догадаться, что мы хороши абсолютно во всем, – нагло усмехнулся Мусса, вытирая пот с лица своей футболкой.

– Ну, даже не знаю, как мне с вами и рассчитаться!

– Я-то сразу озвучил свою цену, – блеснул улыбкой Мусса. – Но можешь еще нас накормить. Такая работа вызывает просто зверский голод.

– А меня можешь и не кормить, – заявил Марат. – Мое вознаграждение – это один телефонный звонок.

– А ты упрямый! Вы оба, – рассмеялась Элоди. – Ладно, сдаюсь.

Она позвала их за собой в дом и сходила за телефоном. Мусса слышал, как она говорит где-то в глубине дома. На кухне появились дочка Элоди и еще одна молодая полноватая женщина, которая окинула Муссу и Марата, сидящих без футболок за столом, изучающим взглядом.

– Познакомься, тетя Лиля, это дядя Мусса и еще один дядя – его брат, – важно представила гостей девочка.

– Я Марат, – подсказал парень.

– Ага, дядя Малат, – благосклонно согласилась девочка и забралась на табурет рядом с Муссой.

Она принялась внимательно рассматривать его татуировки, и Муссе даже стало немного не по себе под этим внимательным взглядом синих детских глаз, так похожих на другие, сводящие его с ума.

– Когда выласту, себе тоже такое сделаю, – наконец заявила девочка, болтая ногами.

– Да не дай Бог, – вырвалось у женщины. – Вы бы оделись, что ли, молодые люди. А то как-то неудобно, зайдет кто из соседей случайно, а вы полуголые на кухне у одинокой женщины сидите. У Ладушки, между прочим, идеальная репутация. А вы тут в таком виде. Разговоры пойдут. Вы приехали-уехали, а ей жить здесь. И так местные наши мачо-чмо вьются вокруг, только и ждут момента.

– Вьются, значит, – помрачнел Мусса. – А она что же?

– А что она-то? «Не надо мне все это!» – говорит. «Одной мне лучше!» Так что вы мне доброе имя девушке Ладушке не пятняйте.

В этот момент Элоди вернулась на кухню и протянула телефон Марату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.